

**Петр
Глебов,**

народный артист СССР

Почему так много талантливых людей — первоклассных режиссеров, известных актеров — с гордостью называют себя учениками Герасимова? Когда я думаю об этом добром урожае, мне хочется говорить не только о художнике или педагоге, но прежде всего о личности человека глубокого ума и щедрого сердца, о личности, обладавшей даром могучего притяжения. И поэтому дружба с ним — творческая и человеческая — определила для каждого из нас судьбу на всю оставшуюся жизнь.

Мы учились у него даже тогда, когда он был далек от мысли учить или (что было для него вообще невозможно) поучать. Учились работать легко и радостно, чувствуя себя раскованно, сбрасывая напряженность и обычную «зажатость» перед решением сложной задачи. Ведь он умел шуткой, прибауткой, каким-нибудь веселым рассказом разрядить атмосферу, внести мир и согласие в наши актерские души и превратить съемочную площадку в родной дом!

Учились его истовому благоговению перед правдой и отвращению ко всяческой фальши.

Помню, как перед началом съемок «Тихого Дона» он собирал на хуторе Дичинском близ станицы Каменской веселые казачьи вечера-посиделки. Казаки приносили свои нехитрые яства — моченые арбузы, квашеную капусту, фруктовый взвар — и на своем колоритном жаргоне судили-рядили о нынешней и прошлой жизни, пели песни (а запевалой был сам Герасимов).

А потом, когда снималась сцена свадьбы Григория и Натальи, в Москву на массовку были приглашены именно донские казаки и казачки (а не статисты!), хорошо знавшие и обряды, и песни, и те детали человеческого поведения, которые создавали подлинный местный колорит.

Учились мы и герасимовской высочайшей взыскательности. Ничего, никакого «брака» или маленькой недоделки не прощал он ни нам, ни себе.

— Стоп! Съемка отменяется! Хитяева не готова!..

До сих пор слышу его голос. А ведь снята была очень драматичная сцена с большой массовкой, и, казалось бы, все нормально.

На другой день актриса была на площадке за четыре часа до начала. Бледная, с горящими глазами, она забиралась в укромный уголок и бесконечно повторяла слова роли, искала новую интонацию, жест. А когда наконец вышла на повторную съемку, то провела сцену расстрела кума Ивана так, что у Сергея Аполлинариевича и у всех нас стояли слезы на глазах.

— Спасибо, Люсеня. Спасибо, — только и сказал Сергей Аполлинариевич и расцеловал ее.

Такое не забывается.

Нечасто в нашей практике съемок бывает и непреходящая предвзятая репетиция, чтобы актер на площадке твердо и уверенно себя чувствовал (что вовсе не исключает элементов импровизации). А у Герасимова это было законом.

Таких «частностей» у каждого, кому по-настоящему удалось работать с Герасимовым, в памяти осталось великое множество, и они неотделимы от того, что мы выражаем высокими словами Художник, Наставник, Гражданин. Ведь творчество мастера включает в себя и великое, и малое, все, что я назвал бы «феноменом Герасимова».

И еще он был счастлив, когда творческих успехов добивались его друзья, ученики. Восторг словесных он порой не расточал, но в его умных, озорных глазах загоралась такая человеческая радость!

И теперь, когда его с нами уже нет, можно утешать себя только одним: свое доброе искусство он передал в надежные молодые руки. Они способны сделать многое.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С. А. ГЕРАСИМОВА

ОН БЫЛ УЧИТЕЛЕМ...

Фото В. Чейшвили.

**Дмитрий
Золотухин**

Я не учился в мастерской Сергея Аполлинариевича, когда он начинал работу над фильмами о юном Петре I. Мне, выпускнику Школы-студии МХАТ, просто повезло, что в поисках исполнителя главной роли Сергей Аполлинариевич остановил свой выбор на моей кандидатуре. Считаю эту роль большим подарком судьбы, потому что встреча с Герасимовым во многом изменила и определила дальнейшую мою судьбу. Уже на съемочной площадке я встретился с Тamarой Федоровной Макаровой, умной и тонкой актрисой, доброй женщиной. Познакомился с «герасимовцами» — и Н. Бондарчук, и Н. Еременко, и Л. Полехиной, и М. Левтовой... Мне, дебютанту, было трудно начинать работу в слаженном и профессиональном коллективе, которым они являлись. То был союз единомышленников в самом полном значении этого понятия, единение учеников, преданных своему учителю. Особое, редкой теплоты отношение к нему ощущалось во всем — в творчестве и в жизни.

Никогда не забуду самое начало съемок, первые просмотры отснятого материала

**В эти дни
Сергею
Аполлинариевичу
Герасимову
исполнилось бы
восемьдесят.
Режиссеру,
актеру,
педагогу,
крупнейшему
мастеру
советского кино.
Он ушел из жизни
в расцвете
творческих сил,
но оставил
искусству кино
прекрасную когорту
своих учеников.
Некоторым из них,
тем, кто с ним
работал
в разные
периоды
его жизни,
сегодня —
слово.**

«Юности Петра». В зрительном зале включили свет, вся киногруппа пошла к выходу. Операторы говорили о своих делах, художники о своем... Я ждал, что кто-то подойдет и ко мне, но этого почему-то не произошло. Вышел на улицу совершенно подавленный. Это ощущение знакомо каждому артисту, впервые увидевшему себя на экране. Но тут ко мне подошел Сергей Аполлинариевич. Он улыбнулся, ударил меня по плечу и сказал — что именно, я даже не помню. Сказанное относилось не к этому конкретному просмотру, скорее то были добрые, ободряющие, очень нужные мне в этот момент слова. Но важны были не столько сами слова. Я почувствовал его отношение, его веру — и ожил! Поверить в себя легче, когда кто-то уже в тебя верит, тебя любит.

Сергей Аполлинариевич не просто знал актерскую психологию, умел приободрить, помочь, объяснить — он любил актера. Это чувство сродни самому творческому процессу. Не помню случая, чтобы учитель был недоброжелателен к тем, с кем работал. Наверное, поэтому многие артисты так необыкновенно ярко раскрывались именно в фильмах Герасимова.

Учитель запомнился на всю жизнь. Чувство любви и благодарности к Сергею Аполлинариевичу Герасимову останется навсегда.

Инна Макарова,
народная артистка СССР

Я помню Сергея Аполлинариевича всегда молодым. Таким, каким мы увидели его на первой встрече с новым курсом студентов, который впоследствии стал называться «молдогвардейским».

Мы поступили в Институт кино в тот год, когда ВГИК только что вернулся из эвакуации. Занимались в полуподвальном помещении недалеко от теперешнего ГУМа. Здание не отапливалось. Все сидели в пальто. Но от Сергея Аполлинариевича веяло такой энергией, динамизмом, что о холоде мы не думали. Каждого студента он называл по фамилии, мы вставали, когда дошла очередь до меня, он сказал: «Посмотрим, оправдаешь ли фамилию». Т. Ф. Макарова, его жена и соратник, сидела рядом. С нашего курса она и начала педагогическую деятельность. Занятия перенесли в более теплое помещение. Он сразу предложил нам подготовить актерские этюды собственного сочинения и показать их в мастерской. Он с первого курса приучал нас к самостоятельности. Мы сыграли такую сцену: на вокзале ждут поезда. Я сижу на узлах и, отщипывая, бросаю в рот крошки от куска хлеба... «Где это ты видела, — воскликнул Герасимов, — чтобы простой человек так небрежно обращался с хлебом!» Надолго я запомнила это занятие по мастерству актера! И все-таки занятия по мастерству всегда были праздником. По поводу хорошего или плохого этюда возникала интереснейшая беседа о жизни, которая сама по себе являлась как бы произведением искусства. Оно возникало на глазах. Мы видели рождение творческой мысли, ее образное воплощение. Сергей Аполлинариевич говорил нам, что человек начинается с чувства ответственности, что художник должен быть одержим идеей усвершенствования мира.

Можно только пожалеть, что, будучи занятым другими делами, он так редко сам выступал как актер. И все-таки он нам оставил удивительное исполнение роли Л. Толстого. В сцене ухода из жизни Толстого Сергей Аполлинариевич прошел «по острию ножа». Чуть-чуть, и была бы патология. Не добрал бы эмоционального напряжения — была бы неправда. Он сыграл точно, все пропустив через свое сердце...

Способность переживать чужую боль — бесценное качество художника. Если в собственном сердце она вызывает боль, только тогда художник способен достучаться и до других сердец.

Сейчас многие знают, что Сергей Аполлинариевич всегда любил готовить. Герасимовские пельмени хвалили и в Каннах, на фестивале, и в Америке, и, конечно же, дома, в экспедициях. Налепил он пельмени и для своей группы хроникеров (в 1943—1945 гг. Герасимов был директором Центральной студии документальных фильмов) в Ялте, в период Крымской конференции. Но для пельменей нужен лавровый лист... И вот, нарвав лавровых веточек возле Ливадийского дворца, Герасимов воткнул их в карман пиджака, как цветы. Его встретил нарком иностранных дел В. М. Молотов:

— Что это у вас?

— Лавры, Вячеслав Михайлович...

— Не рано ли?

Рассказывая нам об этом эпизоде, Сергей Аполлинариевич заливался веселым смехом.

В летописи истории нашей страны всем памятен знаменитый эпизод во время Парада Победы на Красной площади: наши воины бросают вражеские знамена к подножию Мавзолея Ленина. Это режиссура С. А. Герасимова.

В последние годы Герасимов много времени отдавал работе в Академии педагогических наук. Он писал: «В любой работе проявляется не только умение, но и личность. Это двуединство и надо закладывать в школе. Начать надо с учителя».

Сам Герасимов был настоящим Учителем, и недаром теперь Всесоюзный государственный институт кинематографии носит его имя.